

Выступление в Берлинской Академии Искусств.

1.

Я приехал поделиться с вами соображениями о том, что сегодня происходит в России в области культуры. В многих событиях я участвовал и продолжаю участвовать лично, так что это будут свидетельства из первых рук. Более 30 лет я занимаюсь современным искусством и моя главная цель, главный проект жизни – создание в Москве музея с и. Я последовательно шел к этой цели – от домашней коллекции 1970-х, к первой «подпольной» государственной коллекции, которая формировалась в 1980-е годы в Перестройку в заброшенном противоатомном бункере, далее в 1990-е ельциновские годы эта коллекция выросла до 5 000 единиц и в начале 2000-х переехала в Государственную Третьяковскую галерею, в ее новую часть. И вот когда казалось бы цель была совсем близка – и огромное здание было в наличии, и огромная коллекция, и профессиональный коллектив наконец сформировался, и внимание общества и прессы получено, и есть поддержка министерства культуры, я в одночасье всё потерял. Два года назад я был изгнан из музея с «волчьим билетом», судим уголовным судом еае экстремист и сейчас нахожусь в состоянии безработного и в статусе осужденного. Тем не менее, хочу подчеркнуть, что я не являюсь

диссидентом, не чувствую себя оппозиционером и политическим оппонентом режима Путина, маргиналом и лузером. То, о чем я буду сегодня говорить – не только результат политики Путина и его окружения, но, прежде всего, болезнь российского общества, болезнь прогрессирующая и опасная. И если у меня есть упреки государственным чиновникам, так они касаются того, что нынешний режим очень слаб и не лечит болезнь общества. Он играет с этой болезнью, он пользуется ей в качестве дополнительного аргумента своей незаменимости.

Итак, три дня назад я зашел в московский, муниципальный музей современного искусства. Там заседало руководство, обсуждали как поступить с картиной, которую рабочие уже вешали в соседнем зале для предстоящего вернисажа. Натюрморт с рыбой. «Слушайте, - говорит директор Василий Церетели, может это Христос имеется в виду? Под рыбой-то. А она – дохлая. На что намекает художник? Давайте-ка лучше уберем». Директор, конечно, не верит в тождества знака и обозначаемого им явления, для него рыба – просто рыба, никакой не символ и не Христос. Однако, бородатые хоругвеносцы с повадками бывших десантников и вонючие кликуши уже наведались в этот музей и послали коллективу черную метку. Страх быть затоптанным до полусмерти в подъезде кованными сапогами, как это случилось с Маратом Гкльманом, страх быть засуженным судьей, который тоже в свою очередь уже запуган, страх не пережить погром музея и быть уволенным – вот, что

руководит уже сейчас действиями наших коллег в не меньшей степени, чем собственно профессиональные интересы и цели. Отсюда на глазах набирающая силу профессиональная неадекватность.

Неделю назад в Третьяковской галерее, по инициативе директора Ирины Лебедевой, прошло совместное заседание священников РПЦ, художественных критиков и музейщиков на котором серьезно обсуждался вопрос об оценке значимости произведения искусства с позиций христианских ценностей и христианской иконографии. Музейщикам предложено заняться поисками и разоблачениями зловредных, подрывных намеков, спрятанных в конструкцию внешне благопристойных произведений. Музейщики штудируют иконографию сакральных символов, чтобы научиться распознавать недопустимые формы их интерпретации, которые вольно или невольно может допустить художник. Вот, скажем, молодая художница Анна Желудь изобразила упавший телеграфный столб. Якобы это типичная российская разруха. «На самом деле», хотела того художница или нет, в картине содержится очевидный намек на сокрушенный, поверженный крест веры, на обращение христианского символа в сатанинский перевернутый крест. Значит, такой картине не место на выставке. Что уже говорить об инсталляции «Кухонный супрематизм» группы художников «Синие носы», которая на протяжении нескольких лет висела в постоянной экспозиции Третьяковской галереи. Она представляла собой реплику супрематизма Казимира Малевича, только вместо картин использованы фотографии с изображением сыра, колбасы,

хлеба, выложенные в виде супрематических композиций. Работа посвящена культурному коду русской эстетики. И вот она была снята с экспозиции и вообще удалена из музея, ибо в оскорбительном виде, с точки зрения верующих, использовала знак креста. Дирекция Третьяковки на нашлась, что ответить верующим. Тем более, что среди верующих были и сами сотрудники музея. Молодая художница Виктория Ломаско документирует в своих работах то, о чем не пишут журналисты – действия ультра-правых православных националистов. Она рисует их акции и портреты как настоящий репортер. Нарисовала и мой судебный процесс, о котором я сегодня Вам расскажу. Я предложил выставку работ Ломаско в несколько московских выставочных залов – все отказались. Коллеги отводили глаза и ссылались на поломку систему кондиционирования или прочие технические неполадки. Таков вкратце сегодня климат в художественной жизни Москвы.

Как это называется? Радикал скажет, - это начало черного террора. Дипломат – системная интимидация деятелей культуры со стороны ультра-правых сил. Конечно, пока мы имеем дело лишь с тенденцией. Но программа изгнания современного искусства из публичных пространств написана, доступна в Интернете и частично, методом первых проб, начала реализовываться. Результаты налицо.

Вот фотографии с двух погромов в московской галерее Марата Гельмана. Ко мне на выставку в музее также врывались безумные верующие и рвали картины. Смотритель и милиционер в делали вид, что ничего не происходит, не

составляли протокола. Люди боятся. Не все. У многих все по-прежнему благополучно. Выставочный центр «Гараж», созданный подругой банкира Романа Абрамовича не имеет пока проблем. Фонд Екатерина, Фонд Михаила Прохорова – тоже пока не атакованы. Там царит полная свобода. На этом основании находятся легкомысленные оптимисты, которые заявляют «Да бросьте вы пугать народ. Все нормально, это болезнь роста, проблема скоро сама рассосется». Предлагаю этим людям простой тест: выставьте-ка, господа, у себя в галерее или в музее фотокартину классика русского соц-арта Александра Косолапова «Икона икры». Или хотя бы опубликуйте ее репродукцию. Результат не заставит себя ожидать. Вот, например, журнал «Артхроника», главное периодическое русское издание по современному искусству опубликовал эту работу – и получил месяц назад от Роскомнадзора – государственной службы контроля за массовыми коммуникациями в России – следующее официальное определение: «осуществление экстремистской деятельности». Второе предупреждение будет означать закрытие журнала.

Прежде чем переходить к обсуждению причин происходящего и путей выхода из этой ситуации, хочу вкратце обрисовать историю разгорающейся в Москве войны с собственным современным искусством.

Все началось в 1998 году, до этого русское искусство 17 лет жило без цензуры, никем особо не замечаемое. Авдей Тер-Оганьян, художник в игровом ключе юмористически интерпретирующий общепринятые в современном искусстве и

его отношениях с социумом правила, открыл школу юного авангардиста, обучал детей на публике приемам радикального перформанса, создания арт-объектов, трансавангардной живописи. Своеобразный work in progress. В декабре 1998 года Авдей провел мастеркласс иллюстрирующий общий для авангардистов, сталинистов и вообще коммунистических художников дух богоборчества и иконоборчества. Разрубил топором купленные в ларьке картонные иконки. Последовал первый иск в прокуратуру, мгновенное следствие и суд по только что введенной 282 статье «разжигание межконфессиональной розни и оскорбление чувств верующих». На суд собралось огромное количество прихожан из недавно открытых храмов. Они вели себя крайне агрессивно и требовали расправы, будто Тер-Оганьян виновен во всех преступлениях КПСС перед православием. Тер-Оганьян сбежал и живет теперь в Праге и Берлине. Но в Москве его не забыли. Для многих верующих он прямое олицетворение дьявола. Он нем, как о воплощении вражьей силы слагают мифы. У меня недавно чинил двери столяр. Окончив работу он случайно зашел в кабинет и увидел работу Тер-Оганьяна. Побледнел и мелко крестясь, бормоча молитвы, убежал не взяв гонорар. Словом, в основание конфликта было заложено недоразумение. Никто не хотел обижать едва возродившуюся церковь. Искусство Тер-Оганьяна было неверно понято.

Спустя пять лет православное движение набрало сил, сторонников, денег и политического веса. Она впервые за долгие года стало претендовать на управление обществом и

развитием страны. Одновременно под его крылом велся огромный полулегальный бизнес. 35 художников собрались в музее и общественном центре имени Сахарова высказаться насчет новой общественной и политической силы - патриархии. Вы видите результат выставки «Осторожно, религия!» - она была зверски разгромлена группой верующих активистов. Следствие началось делом о вандализме, но быстро перенаправилось на безбожных художников. Суд длился год. Десятки художников, критиков, ученых высказались в том смысле, что целью этой выставки были критика вовсе не религии и не веры, а конкретного института под названием Русская православная церковь. Верующие в каждом из художников увидели маленького тер-оганьяна и потребовали мщения. Дело запахло тюрьмой и лишь вмешательство Анатолия Чубайса, лично говорившего с Путиным, ограничило приговор штрафом. Таким образом, в данном случае мы также имеем смещение акцентов в интерпретации намерений художников и кураторов. Они были неверно поняты. Обида чувств была компенсирована физическим насилием, расправой над произведениями. Суд закончился в 2005 году. Начиная с этого времени «обида чувств» становится все более и более формальным предлогом для осуществления расправ и погромов.

Я перехожу к третьему акту конфликта верующих с искусством, который коснулся лично меня и был связан с организованной мною выставкой «Запретное искусство-2006». Сразу скажу, что на этом этапе «обиженные чувства» превратились в великолепную формулу бездоказательного

обвинения и безусловного осуждения. Достаточно гражданину заявить, что его религиозные чувства оскорблены, ему сразу верят. Никаких доказательств, экспертиз, тестов. Следствие, суд и прокуратура получили инструмент безотказной расправы. Но применяется она, естественно, не ко всем, а очень изборочно, образцово-показательно, к негодным, не лояльным, к людям, отказывающимся жить «по понятиям». На этом этапе конфликта верующих и искусства обнаружилось также, что за спинами больных, увечных, обиженных жизнью стариков и старух, которые формируют «массовку» в зале суда, стоят серьезные организации, которые управляют всем процессом.

ультраправые организации, которые раньше у нас именовались «черной сотней», а теперь называются «фашистскими».

Эти организации на данном этапе не ставят целью физическое уничтожение произведений и устранение людей, хотя в дальней перспективе такие расправы у «фашистов» прописаны. Значительно важнее – затяжной судебной практикой изнурить противника и вынудить его сойти с дистанции. Оставить публичные площадки российской жизни. Поэтому погромы в 2008 году, когда начался мой процесс были остановлены громогласными призывами ультра-правых, обращенных к своим сторонникам, чтобы уступить место справедливому судебному состязанию «фашистов» с деятелями культуры.

Несколько комментариев относительно моей деятельности в Третьяковке для того, чтобы понять смысл и цель моей

выставки «Запретное искусство». Огромное здание, единственный художественный музей советской эпохи, напоминает увеличенную в миллион раз виллу Савой Корбюзье. Километровые экспозиции. До 1990-х годов тут висел один социалистический реализм. Музей пустовал. Я участвовал в процессе его заполнения публикой. Коллеги по другим департаментам делали выставки авангарда 1910-20-х годов, моя команда взялась за выставки современного искусства. Мы открыли постоянную экспозицию нон-конформизма, показали крупнейших художников – Кабакова, Комара и Меламида, Булатова, начали переписывать историю советского искусства по интернациональным направлениям. Заменяли социалистический реализм длинной в 60 лет веером направлений – абстракция, кинетизм, минимализм, поп-арт и так далее. Хочу отметить радостные лица людей, которые впервые встретились с новым искусством. Поначалу ошарашенный коллектив бывшей цитадели советского искусства нам все прощал. Они пришли в себя, когда получили письмо от 50 прихожан церкви, в которой служил командир школы капелланов российской армии отец Дмитрий Смирнов. Требовали снять с выставки «Русский поп-арт» работу Косолапова «Икона-икра». Этот фотомонтаж являлся русским ответом на Кока-колу Энду Уорхолла, демократичному продукту Америки противопоставлялись деликатесы неограниченной монархии. Я обзвонил всех прихожан – ни один из них не был на выставке. Все были уверены, что речь идет о натуральной икре, намазанной на настоящую икону Богородицы с младенцем.

«Кто вам это рассказал?»

«Батюшка, он же на проповеди просил всех подписать. Мы и подписали».

При этом отец Смирнов не простой священник – он в прошлом искусствовед и, следовательно, понимал, что вводил сознательно в заблуждение своих прихожан. Так церковные иерархи открыли для себя прием бесчестного натравливания паствы на современную культуру методом заведомо недобросовестной интерпретации произведений, или, иными словами, их диффамации. Другой прием, запущенный отцом Смирновым – это черная пиаркампания с раскруткой клеветнических историй, роняющих художников в общественном мнении. Мощь пиаратаки испугала директора Третьяковки Валентина Родионова и он потребовал снять работу с выставки. Я не мог не подчиниться. Однако, придя на выставку перед вернисажем с инспекцией сам Родионов не полюбил несколько произведений. В частности его, бывшего советского прораба, завзятого матерщинника и анекдотчика, смутила скульптура главному русскому слову «хуй». Это произведение также заочно спорило с американской «love» Роберта Индианы.

Что отличает мой процесс? Абсолютная лживость аргументов. Недобросовестная интерпретация и фальшивое обвинение.

Таким образом, хотелось бы выделить некоторые характерные черты сегодняшней атаки на современное российское искусство. В ней участвуют, как это было и

в советские времена, карательные органы государства – суд, прокуратура, органы надзора, милиция. Но есть и вновь возникшие оппоненты, причем играющие первую скрипку в этом процессе.

Это:

население.

Ультра-правые националистические силы.

Церковные иерархи.

Атака ведется не на художников, а, прежде всего, на институции популяризации и распространения искусства – галереи, музеи, выставочные залы, издательства. Художникам не запрещают работать, но их загоняют в приватное пространство. От информации отрезают общество. Политика одичания общества, его отрыва от мессаджа художника.

Чем это вызвано и кому это выгодно?

Когда с нашего общества спал советский скафандр, то обнаружилась масса архаических стереотипов, которые казались давно изжитыми.

Во-первых, искусство многими не воспринимается в России как общение и диалог, о котором говорил Лев Толстой, а как наглядная форма трансляции приказа, идущему из крепости или с неба, и которому следует беспрекословно подчиняться. Наше искусство недостаточно секуляризировано, отделено от культов государственных и религиозных.

Общество не достаточно вовлечено в общеевропейскую жизнь, оно колеблется на пороге – синдром Петра¹ еще не пережит. Отсюда распространённость идей возвращения к лону самостоятельной обособленной изолированной жизни «в лесу».

Все это создает благоприятную почву для атаки на искусство. Живость «фашизоидного» языка. В отличие от демократического либерального и левого дискурса совершенно обесцененного и советской демагогией, фашистский дискурс волевого натиска и милитаристских форм управления обществом процветает. На фашистском языке говорит и Церковь, и государство, но это язык – прежде всего ультра-правых. Он дает им силу и преимущество.

Слабость институтов. Неподготовленность специалистов, их некомпетентность торопит предательство. Они с легкостью жертвуют современным искусством ибо с ним очень поверхностно связаны.

Политическая причина – просчитанная жертва культуры со стороны государства. Чиновники отдают культуру на растерзание ультра-правым ради спасения большой политики и экономики. «Мюнхенский сговор» – культура как Судетская область.

Главный вопрос – существует ли опасность перерождения российского государства в теократическую диктатуру фундаменталистского толка. Или, иными словами, насколько велика угроза «иранизации» страны.

Ответ - существует. Ультра-правые и националисты могут получить серьезную поддержку населения на выборах, а церковь, обладающая пока, пока моральным авторитетом в обществе, находится во власти самых консервативных и фундаменталистских сил. Церковные либералы и интеллектуалы в явном меньшинстве, они подавлены, подвергаются открытым нападкам консерваторов и страшно боятся раскола с ними.

Наша свобода и наша культура под угрозой, отчасти, мне кажется, и ваша также, ибо появление фундаменталистского государства с ядерным оружием и фашистским дискурсом не прибавит спокойствия Европе. Что надо делать, чтобы этого не случилось?

На мой взгляд, нужно вытягивать Россию из болота изоляционизма. Снимать фрустрацию, формировать кадры, инфраструктуру, проводить тотальную санацию страны. Россию надо направить по «гэдээррошному» пути. Как в свое время ФРГ взяло на поруки ГДР, так теперь Европа должна взять на буксир России. Но, честно говоря, у меня большие сомнения, что это европейцы на это пойдут.